

What did I do that was so wrong?

Translated by: Drs. Gulnaz Sharafutdinova, Vitaly Chernetsky and Benjamin Sutcliffe

There is an old Russian word for a type of a clown who was expected to warm up the crowd in the circus and set the stage for the following performance. If he was not able to make the audience laugh, the audience would boo him and the circus manager would immediately kick him out.

Almost all of the current generation of Russian journalists are such clowns. Together they are a sort of sideshow of clowns, whose task is to entertain the audience. If they do talk about something serious, it is only about how the power structure (the power vertical) is entirely positive. Let me remind you that President Putin solidified this power vertical, which from top to bottom consists of bureaucrats appointed either by him or by those whom he has appointed. This type of organization of the state drives out all those whose opinion differ from that of the level above. Under the Putin regime this power vertical is limited to “us” – that is, those who support the President and his administration. The result is an “us vs them” situation, where those who are not with us are enemies. Today most media sources describe this dualism: how good “we” are and how bad our enemies are. The enemies are supposedly those liberal politicians, human rights activists, and bad democrats who have sold out to the West (of course, the image of the positive democrat is reserved for Putin himself). Newspapers and television discussions headline those among the enemy who have received grants from Western sources.

Journalists and the mass media for their part love this sideshow and its clowns. The struggle for the right to convey objective information—not from the President’s administration—is in the past. We have now entered an era of intellectual and moral stagnation in the journalistic profession, the profession to which I also belong. One must add that my colleagues are not particularly ashamed of this stagnation, of the fact that the profession is devolving from journalism to propaganda. Journalists openly admit that they receive information about “them”—Putin’s enemies—directly from the President’s

administration and that as journalists they know what one should and should not write about.

What happens to those who don't wish to participate in this sideshow?

They are outcasts. This is neither a joke nor an exaggeration. A vacuum surrounds these outcasts. Bureaucrats shy away when there is a meeting in public and the bureaucrats like to meet in private. During the Soviet era it was like this. True, at that time this was how representatives of the establishment met with the foreign press: on the street when no one was listening, in crowded squares, in locked buildings that the press—like spies--would find its way to. Journalists from a newspaper such as ours—the only independent newspaper among the democratic opposition—are not invited to a single press conference or meeting where there are representative from the Kremlin's administration. No one thus will suspect the organizers of such events of sympathizing with a newspaper such as *Novaia gazeta*.

From the outside this may seem funny, but for us it is very sad. My last trip the Northern Caucasus—Chechnya, Ingushetia, Dagestan—was in August. Do you know how I interviewed a highly-placed Chechen bureaucrat about the progress of the FSB-sponsored amnesty for rebel fighters?

On a scrap of paper I wrote him an address in the Chechen capital, Grozny. The address was for a destroyed house, with a fence that was falling down, on the edge of town. I quietly, as if by accident, slipped it to him. I didn't add any explanation—not about anything. Not about when I would be arriving or when I would request the interview that we had already negotiated in Moscow. Twenty-four hours later he sent a messenger, who said only: "They told me to say 'Everything is OK'." This meant that the bureaucrat himself would appear. More specifically, he would come on foot with a bag in his hands, as if he were only going out for a loaf of bread.

That's how it happened. The information this bureaucrat conveyed was invaluable and caused a sensation. It completely destroyed the official version of the amnesty. I received this information in a room six feet by six feet, with a tiny, tightly curtained window. This

had been a barn until the Chechen war—when the owners’ house was bombed, they made the barn into a combination kitchen, bedroom, and bathroom. The owners were not unafraid to let me stay there—they are my old friends, and in recent years I have written about the kidnapping of their son.

Why were the bureaucrat and I acting this way? Maybe we were crazy or enjoyed the exotic nature of this game? Nothing of the sort. Openly conveying such information would have meant death for “our” bureaucrat and for me.

The same high-ranking bureaucrat, by the way, brought several militants to the tiny room in this shack. They wanted to lay down their arms but without, the official sideshow. These militants shared numerous interesting details about why no one wanted to surrender to the authorities. The authorities were only interested in their image not in people’s lives.

I am sure that the formulation that “no one wanted to surrender” would be rejected by the so-called people “in the know” (*would be rejected by “informed” people?*). How else could it be since for weeks the Russian TV showed people who declared that they had arrived to take advantage of the amnesty because they believed Ramzan (that is Ramzan Kadyrov, President Putin’s Chechen favorite whom Putin appointed the premier of this republic not being bothered by the fact that Ramzan is simply an ignoramus, an uneducated person, whose only talents are for banditry. (and *razboi?*)

They always invite hordes of sideshow journalists for these staged events (I am never invited there). These journalists, in turn, oblige by carefully noting down, filming, and broadcasting this spectacle in their media, thereby creating a fully distorted representation of the reality. But this is the representation that pleases the eye of those who had declared the amnesty.

The underground work methods are nothing new for me. I’ve gotten used to this way of life. All through the years of the second war in Chechnya beginning in 1999, this has been how I had to work in the Northern Caucasus. At first I had to hide from the federal

forces (although I communicated with them clandestinely through trusted intermediaries, so that others would not see this and report to the higher-ups. The Putin plan of “chechenization” -- that is the destruction of those Chechens whom Kremlin had labeled bad by those “good” Chechens who stayed loyal to the Kremlin -- led to the expansion of this method to the interaction with the “good” Chechen bureaucrats. The situation is roughly the same in Moscow, Kabardino-Balkaria, and Ingushetia. The virus has spread widely.

However, the sideshow cannot go on forever. The authorities who use the services of these “clowns” are as close to self-destruction as a rotten mushroom. The purges of the information space conducted in Russia and the pervasive lying organized by the bureaucracy to pander “the correct image” of Russia under Putin in front of our very eyes turn into tragedies that no authorities can manage. These tragedies can sink the most fearsome and sturdy-looking battleship. I have in mind the recent events in Kondopoga - a small town in Karelia in the north of Russia near the Finnish border. There, the anti-Caucasus pogroms exploded with fatal consequences escalated by alcohol. Nationalist processions and beatings of ethnic others by the so-called patriots are nothing else but the consequences of the lies of the authorities, of the absence of any real dialog between the authorities and the people.

They are also the consequence of the authorities turning a blind eye to the majority of the population living in abject poverty. The real living conditions everywhere, except for the capital, have nothing to do with the official reports. The corruption under Putin’s “power vertical” has reached unprecedented heights. A new generation of young people has grown up extremely angry because of the poverty, and lacking the benefits of decent education.

The reigning ideology of “us” vs. “them” repels me. If a journalist is one of “us”, this person would reap awards, honors, perhaps even an invitation to take a seat in the Duma. I do mean this. It is an invitation, not a process of getting elected. We do not have parliamentary elections in the usual sense of the term -- with a struggle for votes, with open debates and alternative political programs. Here, those who are “ours” are invited

to the Kremlin and “bestowed and honor.” They are made members of the United Russia Party with all the consequences thereof.

If a journalist is one of “them,” this guarantees a pariah status. I have never strove for my pariah status, for this condition of a beached dolphin, fully thrown out of one’s own natural element. I do not consider myself a political fighter.

So what the hell has this pariah done? I only noted what I had witnessed, nothing more. I purposefully do not dwell here on the other “charms” of the path I have chosen: on poisoning, detentions, threats in letters and over the Internet, on vows to have me murdered spoken over the phone. I think all these are minor things. The most important thing is to have a chance to do one’s main job, to describe life, to receive at the editorial offices visitors who have nowhere else to go because they had been rejected by the authorities. What had happened to them does not fit the Kremlin’s ideological vision and because of that, the stories of their misfortunes cannot appear almost anywhere else except our newspaper, *Novaia Gazeta*.

Так что же я такого, подлая, делала?

Есть старое русское слово – “коверный”, от слова “ковер”. Это почти то же самое, что клоун, только точнее. Выходил коверный на цирковой “пяточок” - и давай смешить публику. Его задачей было публику ни в коем случае не огорчать. За то, что “коверному” не удавалось рассмешить пришедших на представление господ, публика его освистывала, а хозяин цирка тут же выгонял вон.

Почти все нынешнее поколение российских журналистов и имеющих СМИ – это “коверные”. Все вместе – балаган “коверных”. Их задача – развлечь публику, а если и писать о серьезном, то только о том, как хороша “вертикаль власти” во всех ее проявлениях. Напомню: президент Путин последних лет пять все строил и строил эту “вертикаль власти”, которая состоит в том, что всех, от начала до конца, чиновников, всю бюрократическую иерархию, назначает либо лично он, либо лично те, кого он назначил. “Вертикаль власти” - это такое состояние государственного устройства, при котором с руководящего поля удалены все, кто способен мыслить по другому, чем вышестоящий начальник. У нас, с подачи администрации президента Путина, фактически являющейся главным управляющим звеном страны, это состояние называется “НАШИ”. “Наши” - это те, кто с нами. “Не наши” - если не с нами, то враги. Подавляющее большинство СМИ, собственно, и описывают этот дуализм: как “наши” хороши – как отвратительны враги. Враги, как правило, представлены в виде “продавшихся Западу” - политиков либерального толка, правозащитников, “плохих” демократов (образ “хорошего” демократа – это образ Путина). Газеты и телевидение на первых полосах и в первых строках помещают сообщения о том, как выяснилось, кто из “не наших” какие на Западе гранты на свою деятельность получил.

Журналисты и СМИ при этом полюбили свой балаган “коверных” всей душой – борьба за право передавать беспристрастную информацию и служить этой информации, а не администрации президента – эта борьба уже в прошлом,

наступила пора умственного и морального застоя в профессиональном кругу, к которому принадлежу и я. Надо сказать, этого собственного застоя, превратившего профессию опять из журналистики в пропаганду в пользу имеющейся власти, коллеги особенно не стесняются: открыто признаваясь, что получают информацию о “не наших” прямо от сотрудников администрации президента, также о том, о чем следует писать, а о чем - нет.

Что же получается с теми, кто не желает участвовать в этом балагане?

– естественно, чтобы организаторов эти представители не заподозрили в симпатиях к такого рода изданиям, как “Новая газета”.

Возможно, со стороны это покажется смешным. Но нам очень грустно. Последняя командировка на Северный Кавказ – в Чечню, Ингушетию, Дагестан, у меня была в августе. Знаете, как я брала интервью у высокопоставленного чеченского чиновника – о том, как идет объявленная директором ФСБ амнистия боевиков?

Почему мы – чиновник и я, так себя вели? Может, мы – сумасшедшие? И это игра добавляет нам экзотики? Ничего подобного. Открытое общение такого оппозиционного сборщика информации, как я или другой журналист “Новой газеты” - и официального чиновника, “нашего”, смерти подобно обоим

Тот же высокопоставленный чиновник, кстати, привел мне потом в эту комнатуху-сарай боевиков, которые хотят сложить оружие, но не желают участвовать в официальном балагане. Эти боевики рассказали массу интересных подробностей, почему никто не хочет сдаваться официальной власти: потому, что власть интересуется только собственным пиар, а не судьбы людей.

Кстати, формулировка, что “сдаваться никто не хочет” - у знающих людей вызовет явное отторжение. Как же! Неделями по российскому телевидению показывали каких-то людей, которые объясняли, что они пришли “под амнистию”, “веря

Рамзану” (Рамзану Кадырову - чеченскому фавориту президента Путина, которого президент назначил в премьеры этой республики, ни мало не беспокоясь о том, что Рамзан – просто дурак, человек без образования, ума и каких-либо талантов, кроме склонности к бандитизму и разбою).

На эти сборища привозят множество “балаганных” журналистов (меня не приглашают НИКОГДА) – они все аккуратно записывают, снимают, передают в свои СМИ, и так рождается совершенно искаженная картина действительности. Зато – приятная взору тех, кто “объявил амнистию”.

Работать в подполье мне не привыкать. У меня на такой образ жизни выработалась привычка. Все годы второй войны, начиная с 1999 года, именно так приходилось работать на Северном Кавказе. Сначала, скрываясь от федералов – но всегда общаясь с ними тайно и подпольно, через доверенных лиц, чтобы другие не увидели и не донесли вышестоящим генералам. Дальше, когда в Чечне победил путинский план чеченизации (уничтожение одних чеченцев, “плохих” по отношению к Кремлю, силами других, “хороших”, лояльных Кремлю) – тот же тип работы распространился и на общение с “хорошими” чеченскими чиновниками. Примерно то же самое происходит и в Москве, и в Кабардино-Балкарии, и в Ингушетии – вирус очень распространился.

Однако, балаган слишком долго не продолжается, и власть, пользующаяся услугами “коверных” - это трухлявый гриб. Зачистки информационного поля, проведенные в России – это тотальное вранье, организованное чиновничеством в угоду “правильного образа России при Путине”, на наших глазах оборачиваются трагедиями, с которыми власть не может справиться и которые способны потопить любой авианосец, каким бы крепким он внешне не казался. Имею в виду недавние события в Кондопоге (маленький городок в Карелии, на севере России, у границы с Финляндией) – взрыв антикавказских погромов со смертельными исходами, погромов, подогретых водкой. Националистические шествия, “патриотические” избиения инородцев – все это последствия вранья власти, отсутствия какого-либо настоящего диалога власти и народа, закрытие глаза власти на то, что народ живет

в большинстве своем ужасающе бедно, что реальный уровень жизни везде, где не столица, кардинально отличается от декларируемого, что коррупция при “вертикали власти Путина” достигла невероятных даже ранее высот, что выросло поколение очень злых от бедности и неумных от плохого школьного образования молодых людей...

Мне мерзка царствующая идеология: “наши” - “не наши”, “свои” - “чужие”. Если “наш” журналист – то это награды, почет, может, и в Думу пригласят. Именно пригласят – не изберут. У нас нет выборов в парламент – в привычном понимании слова, с борьбой за голоса, с представлением программ, с дебатами. У нас вызывают в Кремль тех, кто в доску “наш” - и “оказывают честь”: зачисляют в партию “Единая Россия” со всеми вытекающими последствиями.

Если журналист “не наш”, “чужой” - собственно, это пока гарантированное изгойство. К подобному собственному изгойству – выброшенности дельфина на сушу, я никогда не стремилась. Я вообще не борец политический.

Так что же я, подлая, делала? Я лишь только писала то, чему была свидетелем. И больше ничего. Намеренно не пишу обо всех остальных “прелестях” избранного мною пути. Об отравлении. О задержаниях. Об угрозах в письмах и по Интернету. Об обещаниях убить по телефону. Думаю, это все же – мелочи. Главное – иметь шанс делать основное дело. Описывать жизнь, принимать в редакции ежедневно посетителей, которым больше некуда идти со своими бедами – их отфутболили власти, то, что с ними случилось, не вмещается в идеологическую концепцию Кремля, и поэтому рассказы об их бедах не могут появиться практически нигде, ни в одном издании, кроме нашей газеты, именуемой “Новой газетой”.

Этот материал из компьютера Анны Политковской предназначался, видимо, для зарубежного выступления